

НАУКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*П.А. ОРЕХОВСКИЙ***Структура поля экономического знания:
возможности и пределы
общественных дискуссий**

В работе рассматриваются социологические предпосылки широких экономических дискуссий. В центре внимания оказываются темы, которые представляются наиболее важными для референтных групп – власти, бизнеса, СМИ, зарубежных коллег. Показаны механизмы вытеснения проблем, которые могут быть признаны важными и актуальными самим ученым сообществом, на периферию экономического знания. За исследователями, которые занимаются темами, выходящими за рамки интересов референтных групп, не признается право на оспаривание. Такое положение характерно не только для неортодоксальных экономических теорий, но и для либерализма и мейнстрима. Как следствие, результаты экономических дискуссий оказывают сравнительно малое влияние на развитие общества.

Ключевые слова: референтные группы, научная революция, право на оспаривание, структура поля экономической науки.

The paper is devoted the sociological background of broad economic discussions. In the spotlight are the economic topics that seem to be most important for the reference groups – government, business, media and foreign colleagues. Problems that may be deemed important and relevant scientific community itself, displaced to the periphery of economic knowledge. For researchers who are engaged in topics that go beyond the interests of reference groups do not recognize the right to challenge. This situation is typical not only unorthodox economic theories, but also for liberalism and the mainstream. As a consequence, the results of economic discussions have relatively little impact on the development of society.

Keywords: reference groups, scientific revolution, the right to challenge, structure of the field of economics.

Время от времени в российской экономической науке ведутся дискуссии, которые выходят далеко за рамки “чисто академических” интересов и в силу этого должны были бы оказаться в центре общественного обсуждения. Резонансные темы по определению должны вызывать реакцию бизнеса и органов государственной власти, попадать в национальные СМИ, интернет-издания, обсуждаться в стенах парламента. Однако, как правило, с многими из научных дискуссий этого не происходит. Дело ограничивается семинарами в НИИ или университетах и публикациями в малотиражных научных

Ореховский Петр Александрович – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при правительстве Российской Федерации.

журналах. Но почему? Какие факторы влияют на то, что одни исследователи – и темы их разработок – оказываются в центре внимания, а другие остаются на периферии поля экономического знания?

Напрашивается отрицательный ответ – проблема возникает из-за неверной постановки вопроса, автор субъективен в оценке *важности* тех или иных тем, их способности вызывать общественный резонанс. По-настоящему важные темы *всегда* находятся в центре дискуссий. Как указывал еще К. Маркс, общество обсуждает только то, что уже назрело и что оно способно решить. Поскольку некая тема не обсуждается, постольку она не актуальна. Если обществу навязать дискуссию по “недозрелому вопросу”, это приведет лишь к бесполезной трате времени и интеллектуальных ресурсов. Такой ответ неявно основывается на гегелевской посылке об объективности исторического процесса, том или ином аналоге реализующей себя Абсолютной идеи, которой, в свою очередь, соответствует и состояние общественного сознания. Публику иногда можно отвлечь разными случайными “мелочами”, но в целом общественное сознание соответствует состоянию общественного бытия.

Этот взгляд можно критиковать с общепhilософских позиций, как это делает, например, К. Поппер, отрицающий “историцизм”. Однако отрицание безальтернативности общественных процессов означает переход к обсуждению проблем философии истории. Несмотря на всю важность подобного обсуждения, такая постановка вопроса выходит далеко за рамки социологии экономической науки, в рамках которой только и возможен ответ на вопрос о сравнительной важности как тем, так и социальных позиций самих исследователей.

Однако, действительно, существует ли проблема? Каков мог бы быть относительно случайный список тем, которые, по мнению автора, актуальны и важны и тем не менее выпадают из зоны общественного внимания? По-видимому, имеет смысл привести примеры. Кроме того, такой подход позволит оценить справедливость и другого возможного возражения, в соответствии с которым автор недооценивает имеющуюся *широту* обсуждения этих тем. Итак, обозначим ряд нуждающихся в широком обсуждении тем.

Структура российской налоговой системы. Особенностью российской налоговой системы по сравнению с западными аналогами является то, что основная часть налогов у нас уплачивается юридическими лицами (фирмами и организациями), в то время как в развитых странах основное налоговое бремя несут физические лица (домохозяйства). При этом в конечном итоге все налоги платит население, однако различие в их структуре весьма существенно: оно влияет на стимулы (в России стимулируется потребление, на Западе – производство), прозрачность доходов (подача налоговых деклараций позволяет обществу контролировать как доходы, так и имущество домохозяйств), справедливость (подходный налог в большинстве стран имеет прогрессивную шкалу). Весьма важно для федеративного государства (как и для развития местного самоуправления) и то, что доходы физических лиц формируют основную налоговую базу субъектов Федерации, и бюджетные доходы оказываются *напрямую* связаны с благосостоянием граждан.

При этом в России основная часть доходов федерального бюджета формируется за счет налога на добычу природных ископаемых, а также экспортно-импортных пошлин. Две трети субъектов Федерации, на территории которых нет больших запасов углеводородного или минерального сырья, устойчиво дотационны. Часть из них периодически приближается к состоянию банкротства. Эта ситуация представляется естественной, учитывая разную ресурсную обеспеченность и разный уровень социально-экономического развития регионов. В то же время такое положение потенциально конфликтно и угрожает самому существованию Федерации: время от времени в регионах-“донорах” выдвигаются политические лозунги о необходимости снижения объемов финансовой помощи регионам-“нахлебникам”.

В широком общественном поле возможность повышения налогов на домохозяйства, на население (и *одновременного* снижения налогов на фирмы) практически не

обсуждается. В то же время часть известных российских экономистов выступают за введение определенной прогрессии налога на доходы физических лиц и переходу к налогообложению домохозяйств (семей) в отличие от сегодняшней плоской шкалы и налогообложения индивидуальных плательщиков. При этом среднюю ставку (13%) предлагается не менять, или менять незначительно. В частности, за реформу такого рода выступает Л. Лыкова (см., например, [Федеральный... 2014])¹.

Несколько иначе ставит эту проблему известный общественный деятель и исследователь институциональных проблем российской экономики А. Аузан, у которого речь идет о повышении налогов на физических лиц в связи с сокращением так называемого “коррупционного налога” в рамках “пересмотра общественного договора”. В частности, предполагается переход к ставкам налога на недвижимость, принадлежащую гражданам, по рыночной стоимости [Аузан, 2009].

В то же время проблема *величины* налогового бремени, конечно же, широко обсуждается. В последние годы наиболее актуальны темы старения населения и связанных с пенсионным обеспечением необходимых отчислений, а также налогообложения природной ренты. Все это, естественно, увязывается с общей стратегией экономического роста нашей страны (старение населения и исчерпание ренты представляются тут основными угрозами). Среди исследователей этих тем можно выделить, например, Е. Гурвича, А. Кудрина, которые задают основные рамки обсуждения (см., например, [Гурвич, 2013; Гурвич, Кудрин, 2012] и др.). Однако регулярно выходят и новые научные публикации, телепередачи, газетные статьи, посвященные уровню и специфике отдельных налогов. Дискуссия ведется достаточно широко.

При этом важно, что пересмотр основ налоговой системы и сама возможность переноса налогового бремени на население не обсуждается. Даже относительно “невинное” увеличение пенсионного возраста вызвало у оппонентов резкую полемическую реакцию. Перенос основной тяжести налогового бремени с бизнеса на домохозяйства не выносятся на обсуждение даже политиками, позиционирующими себя как “либералы”, не говоря уже об остальных.

Перенос столицы, объединение субъектов Федерации. В России есть два уникальных субъекта Федерации, являющиеся городами, а не регионами. Это бывшая столица Российской империи, Санкт-Петербург, и нынешняя столица – Москва. Оба города – мегаполисы, по численности населения значительно оторвавшиеся от других городов. Оба города также имеют массу проблем, связанных с механической миграцией, с развитием транспортной и социальной инфраструктуры, и т.д. Все эти проблемы никак не решаются, несмотря на то, что объединение Москвы с Московской областью, Санкт-Петербурга – с Ленинградской областью кажется вполне логичным и рациональным решением с точки зрения как политико-экономической (приведения к общей логике административно-территориального устройства страны), так и экономико-географической.

Кроме того, город – столица Федерации, где расположены правительственные учреждения, живут и работают федеральные служащие, обычно имеет особый правовой статус. Отсутствие такого столичного статуса, смешение федеральных и региональных организаций в одном месте существенно осложняет как собственно управление, так и распоряжение федеральным имуществом, которое располагается на такой территории. Поэтому логичным выглядит применение в России опыта таких федеративных государств, как США, Бразилия, Австралия, Канада. Перенос столицы (а заодно – и формирование “столичного” бюджета территории с особым статусом), наряду с объ-

¹ Предлагаемое в этой работе Лыковой введение прогрессивной предельной налоговой ставки с 13% до 55% по пяти группам получателей доходов, как ожидается, увеличит среднюю ставку всего лишь на 1,1%. Стоит отметить, что, если верить американским учебникам по макроэкономике, изменение предельной налоговой ставки либо не сказывается на предложении труда, либо (при росте предельной ставки) сокращает его, в отличие от изменения средней налоговой ставки (при росте средней ставки предложение труда увеличивается). Поэтому предлагаемый переход к прогрессивному налогообложению не приведет к увеличению производительных усилий (см. [Абель, Бернанке, 2008, с. 721–724]).

единением двух крупнейших российских мегаполисов с прилегающими областями – субъектами Федерации, время от времени обсуждались и в российских СМИ. Правда, высказывались подобные идеи, как правило, не экономистами, а отдельными общественными деятелями, такими, например, как С. Шойгу в бытность его главой МЧС, и журналистами. Кроме того, на академических научных мероприятиях по региональной экономике, экономической географии, расселению, размещению производительных сил, транспорту объединение субъектов и целесообразность переноса столиц воспринимаются как банальность, а отсутствие обсуждения и действий в этом направлении – как пример интеллектуальной неполноценности и слабой политической воли российского истеблишмента.

В настоящее время обсуждение данной темы фактически исчерпано в связи с принятым решением о расширении границ Москвы и переезде части федеральных учреждений и служащих “из Москвы в Москву”. Конституционный суд перевел в Санкт-Петербург. Несмотря на то, что такое решение является паллиативным – транспортные проблемы столичного мегаполиса без объединения с областью решаются временно, проблемы Санкт-Петербурга сохраняются, остаются и конфликты, связанные с распоряжением и управлением имуществом столицы, дискуссия, тем не менее, была свернута, по сути, так и не начавшись.

Ретроспективный анализ “шоковой терапии” и роль структурных факторов экономического роста. Нельзя сказать, что тема “шоковой терапии” в России и ее результатов выпала из общественного обсуждения. Напротив, оценки реформ 1990-х гг. почти все время находятся в центре внимания. Данную тему я привожу здесь в качестве важного примера потому, что участники дискуссии, стоящие на принципиально различных позициях, практически не ведут диалога между собой. Каждая из сторон формирует свой исторический миф, используя только те факты и статистические данные, которые ложатся именно в ее логику. Факты и данные, приводимые другой стороной, не обсуждаются и, как правило, замалчиваются.

”Либеральный” миф формируется вокруг финансового банкротства СССР, деградации коммунистической элиты, “спасения России” при помощи команды интеллектуалов-реформаторов (на этом фоне стоит отметить критику “либерального” мифа со стороны мифа “неолиберального”: А. Илларионов предлагает свое видение роли Е. Гайдара и А. Чубайса как могильщиков демократии [Илларионов, 2007; 2008]). Дальнейшее развитие страны увязывается с продолжением консервативной финансовой политики, обеспечивающей сбалансированность бюджета, низкую инфляцию, активный платежный баланс. Соблюдение этих условий и действие свободных “рыночных сил” должно привести к экономическому развитию.

”Дирижистский” миф строится вокруг развала промышленности, сельского хозяйства, отдельных сфер экономики (см., например, [Батчиков, Глазьев, Кара-Мурза, 2002]). Причиной экономического коллапса объявляется либеральная и “монетаристская” политика правительства. Поэтому необходимы активистские меры, направленные на технологическую модернизацию России. Консервативная финансовая политика не может обеспечить необходимые результаты.

Тема, которая попадает “в зазор” между либеральным и дирижистским мифами, – роль структурных факторов. Существует общий консенсус по вопросу необходимости переориентации российской экономики от специализации на сырье и энергии к производству продукции с высокой долей добавленной стоимости. Тем не менее попытки реализации различных крупных целевых программ в рамках действующей финансовой политики пока не приводят к решению указанной проблемы. Этот провал в целом фиксируется, однако его плодотворное обсуждение в рамках того или иного мифа невозможно.

Следует отметить, что подобное положение, видимо, не является специфически российским. Как указывает Э. Райнерт, анализируя “другой канон”, или меркантилистскую альтернативу либерализации торговли в странах с относительно низким уровнем экономического развития, в последние десятилетия нет публикаций, оспари-

вающих рикардианскую традицию в анализе сравнительных преимуществ в мировой торговле [Райнерт, 2011]. Данная традиция предполагает однородность обмениваемых товаров, которые различаются между собой только соотношениями цен. Структурные факторы, предполагающие различия в технологии производства товаров, в качестве труда, включающие в себя не только действие убывающей, но и возрастающей отдачи, игнорируются.

Дифференциация доходов и рынок труда. Для нормального функционирования капиталистической системы необходим рынок труда. Данное утверждение – банальность для большинства экономистов. Однако что именно понимается под “рынком труда”? Если это свобода заключения и расторжения контрактов между нанимателями (работодателями) и работниками, то рынок труда в России вроде бы есть. Но *какие* это контракты? Принято считать, что рынок предполагает систему *безличностных* обменов. Но в России сохраняется (а возможно и увеличивается) удельный вес патрон-клиентских связей. Это – личностные связи. Они действуют на рынке как квалифицированного, так и относительно неквалифицированного труда. В такой ситуации работники не могут рассчитывать на получение равной оплаты за равные трудовые усилия.

Патрон-клиентские связи – это не специфически отечественный феномен, они встречаются и в развитых странах. Однако каков их удельный вес? Начиная с какого уровня можно говорить о “капитализме” и “рынке труда”, а с какого – о “сословном” или “служилом” обществе? Является растущая дифференциация доходов различных социальных групп результатом увеличения разрыва в предельной производительности разных отраслей, крупных, средних фирм и малого бизнеса, или это следствие процессов перераспределения ренты между различными патрон-клиентскими сетями?

В зависимости от ответа на данный вопрос, по-видимому, будут оцениваться и меры социально-экономической политики, в частности предпринимаемые реформы общественного сектора, особенно в таких чувствительных областях, как образование и здравоохранение. Проводимая государством политика увеличения оплаты труда бюджетников зачастую не приводит к ожидаемому результату: существенно возрастает материальное вознаграждение руководителей и аппарата управления при относительно небольшом увеличении оплаты труда рядовых работников. При этом нагрузка на последних растет, что рассматривается как синоним роста производительности, но одновременно снижается качество услуг.

Взгляд на российское общество как на “служилое” последовательно отстаивает С. Кордонский [Кордонский, 2000; 2008; 2010], понимание отечественной экономики как “раздатка”, восходящего к византийским традициям, развивается в работах О. Бессоновой [Бессонова, 1997; 1999; 2006]. И хотя их работы достаточно широко известны, открытая общественная дискуссия по данной проблеме не ведется. Сюжеты, связанные с темой патрон-клиентских сетей и равной оплаты за одинаковый труд, остаются на периферии экономического анализа.

Почему названные темы (равно как и другие, охарактеризовать которые в рамках данной работы невозможно из-за недостатка места) не вызывают широких общественных дискуссий? По-видимому, до какой-то степени на величину общественного резонанса влияет содержание проблем (можно предположить, что для некоего общественного деятеля *X* предложение о повышении налогового бремени для российского населения будет политическим самоубийством, для экономиста *Y* или журналиста *Z* подобное высказывание может стоить им репутации). Но этого объяснения недостаточно. В российском обществе регулярно делается большое количество скандальных публичных заявлений, вероятность широкой негативной реакции не пугает, напротив, скорее привлекает индивидов, ищущих *любой* известности. Поэтому подход, основанный на грубой экономической рациональности акторов (в публичном поле высказывается то, что может увеличить доход или капитал актора), в данном случае “не работает”.

Мысль о том, что общественная оценка важности и актуальности той или иной работы экономиста относительно слабо связана с содержанием этой работы и зависит от каких-то иных, посторонних факторов, может показаться неожиданной и спорной сообществу ученых, верящих в прогресс как движение к истине и кумулятивный процесс познания. Тем не менее с точки зрения социологов такая гипотеза выглядит относительно банальной. Прогресс общества не достигается “объективно”, автоматически: застой, регресс, распад, деградация различных социумов наблюдаются столь же часто, как и прогресс. В относительно краткосрочном периоде “шарлатаны” и их концепции могут быть гораздо более влиятельны и известны, нежели “ученые”. Нет никакой гарантии, что в долгосрочном периоде, задним числом, открытия последних войдут в “интеллектуальный багаж” человечества, а не будут забыты, и в какой-то момент открыты заново (последнее, впрочем, распространяется и на концепции шарлатанов). В качестве примера таких влиятельных, популярных и одновременно ошибочных конструкций можно привести ныне почти забытые советские “модели хозрасчета”, или западную “кривую Лаффера”.

При такой постановке вопроса предполагается, что весьма существенно для развития экономической науки влияние внешних факторов. Для выявления последних имеет смысл использовать традиции социологического анализа П. Бурдьё, который выделяет не только узкопрофессиональное поле экономического знания, но и взаимодействие данного поля с полями бизнеса, политической власти, символическим полем, создаваемым и воспроизводимым общенациональными СМИ. Кроме того, принципиально для рассматриваемой проблемы привлечение в анализ понятия референтных групп, введенного в оборот Р. Мертоном². В качестве основной гипотезы данной работы выдвину версию, что структура поля российского экономического знания исключает широкое обсуждение отдельных острых, “резонансных” тем. И напротив, эта же структура приводит к вынесению в центр дискуссии других проблем, решение которых (положительное или отрицательное) относительно слабо влияет на развитие российской экономики и состояние общества.

Понятие “поля экономических знаний” и право на оспаривание

Поле экономических знаний представляет собой относительно обособленную часть символического социального пространства, в котором высота (сила) социальной позиции актора определяется степенью влияния его суждений по экономическим вопросам³. В этом поле действуют как индивидуальные, так и коллективные акторы, которые образуют сложные коалиции по отношению к тем или иным проблемам. Эти

² “Мысль о том, что люди действуют в рамках социальных стандартов, выработанных теми группами, частью которых они являются, несомненно, возникла еще в древности и, вероятно, вполне разумна. Если бы только это составляло предмет теории референтных групп, то она представляла бы собой просто новый термин для обозначения старой сферы интересов социологии, которая всегда концентрировала свое внимание на групповой детерминации поведения. Однако фактом является и то, что люди, формируя свое поведение и оценки, часто ориентируются на *иные группы, чем их собственная* (курсив мой. – П.О.), и именно проблемы, связанные с этим фактом ориентации людей на группы, членами которых они не являются, имеют прямое отношение к теории референтных групп” [Мертон, 2006, с. 429].

³ “С определенной точки зрения, поле литературы (или поле науки) такое же поле, как и другие (вопреки всяким формам агнографии или, попросту, вопреки тенденции считать, что социальные универсумы, в которых производятся эти исключительные реальности: искусство, литература, наука могут быть только различными, причем во всех отношениях). В нем есть вопрос о власти: публиковать или отказать в публикации; о капитале: капитал признанного автора может быть перенесен частично на счет молодого, неизвестного еще автора благодаря хвалебной рецензии или предисловию к книге; в нем, как и везде, соблюдаются отношения силы, стратегии, интересы и т.д. ... если верно то, что поле литературы, как и все другие поля, есть место отношений силы, которые навязываются всем агентам, входящим в поле, и давят особо грубо на новичков, принимают специальную форму: на деле в их основании лежит очень своеобразный вид капитала, являющийся одновременно и инструментом, и ставкой конкурентной борьбы в поле, а именно – символический капитал как капитал признания или посвящения, институционализированного или нет, который различные агенты или институты могут аккумулировать в течение предшествующей борьбы, ценой труда и специфических стратегий” [Бурдьё, 1994, с. 209–210].

коалиции весьма подвижны – они могут существовать на протяжении относительно длительного времени, а могут и быстро распасться.

Поле экономического знаний, как и большинство полей, так или иначе связанных с общественными науками, в настоящее время является *экспертным полем*. Это отличает его от специфически *научных* полей, таких, например, как поле математики или физики, где доминирование *ученых* практически безраздельно; чтобы оспаривать ту или иную позицию, необходимо быть признанным данным сообществом в качестве своего члена. Здесь действуют высокие барьеры входа (социальные фильтры). Напротив, экспертное поле предполагает, что, кроме собственно ученых, позиции могут оспариваться (и, в случае победы – занимать) практически любым социальным индивидом, имеющим право на авторитетное высказывание (право на оспаривание).

На данное обстоятельство неявно указывает в своей пионерной работе, посвященной роли экспертов, О. Кошовец⁴. Для того чтобы реально действовать (присутствовать) в этом поле, мало иметь ученую степень, работать в университете или научном институте. Подавляющее большинство вузовских и академических ученых вообще *не являются экспертами* в том понимании, которое предлагается в нашем анализе. Необходимое условие (и, соответственно, параметр поля экономического знания) – участие в “системе публичного воспроизводства власти”, но доценты и профессора зачастую не имеют отношения к этой системе⁵. И напротив, многие журналисты, политики, общественные деятели, проигнорировавшие специфические барьеры входа (университетское экономическое образование, получение ученой степени, участие в экономических исследованиях), такими экспертами являются. Их позиция в поле экономических знаний может быть выше и сильнее, чем позиция ученых.

По-видимому, целесообразно выделить, вслед за Кошовец, отдельные *социальные роли (акторов)* ученых, специалистов, экспертов. Специалист – субъект, обладающий компетентностью в данной проблеме, однако его социальная функция – подготовка решений для политических акторов. В качестве такового он не имеет *права на оспаривание* и не является экспертом. Он обладает только потенциальным символическим капиталом. Если он уходит из официальной иерархической структуры, то может занять позицию эксперта; и чем выше было его место в системе подготовке решений, тем выше может оказаться и экспертная позиция.

Ученый – субъект, также обладающий компетентностью и проводящий исследования по данной проблеме, но он входит в структуру вузовской, академической или отраслевой науки (последняя почти исчезла в системе нынешнего российского поля экономических знаний). В силу специфики социальной позиции ученого и удаленности российской экономической науки как от медийных, так и властных структур, в состав экспертов попадает очень небольшая часть ученых.

Наконец, эксперт – субъект, который постоянно присутствует в поле СМИ, занимает ту или иную позицию по отношению к действиям власти или оппозиции. Обязательное прилагательное по отношению к эксперту – “независимый”. “Независимость” должна подчеркиваться и воспроизводиться в публичном поле, так как признание

⁴ «В последние десятилетия эксперт стал чем-то значительно большим, а именно одним из **субъектов системы публичного воспроизводства власти** (выделено мной. – П.О.). Власть эксперта особого рода – она основана на потребности государственного аппарата в профессиональном знании, и это способствовало превращению эксперта во влиятельную фигуру в отношении политического пространства и в частности, в сфере экономической политики государства. Теперь эксперты не только готовят решения для нужд государственного аппарата, но и легитимируют их в публичном пространстве, оказывая таким образом воздействие на “общественное мнение” и “помогая” ему принять эти решения и оценки как должные» [Кошовец, 2008, с. 210].

⁵ Так было не всегда, стоит напомнить, сколько шума в годы “перестройки” наделало открытое письмо обычного доцента ленинградского вуза Н. Андреевой (“Не могу поступаться принципами”). В то же время почти демонстративное игнорирование большей частью экспертного сообщества и власти выступлений научно-педагогической общественности по поводу реформы образования в наши дни весьма показательны. Такая эволюция наглядно отражает реальное изменение социальной роли интеллигенции, несмотря на официальную риторику о важности инноваций, человеческого капитала, переход к постиндустриальному обществу, и т.д., и т.п.

того, что “экспертиза” была сделана за деньги заказчика, заинтересованного в определенном решении, означает конфликт интересов и обнуление символического капитала эксперта. В лучшем случае его признают равным специалисту, в худшем – наличие его компетентности будет полностью отрицаться общественным мнением.

Кроме “независимости”, существенная черта эксперт – “практичность” или “реалистичность”. Термин “практик” здесь используется в оппозиции к “теоретику”? Последний (как правило, ученый) может строить модели, используя нереалистичные посылки, для практика (эксперта) это неприемлемо. Главная черта практика – принятие мира таким, каков он есть, без рефлексии по поводу оснований своего восприятия (размышления). Практик, естественно, допускает, что мир меняется, однако эти изменения “реалистичны”: как правило, они эволюционны, “все находится в тренде”. Большинство экспертов отрицательно относятся к принципиальным изменениям в экономической политике, а заодно и различным чистым, “радикальным” теоретическим концепциям; экспертные суждения, как правило, эклектичны, они должны соответствовать “здравому смыслу”. Радикальное отличие от общепринятого – признак оригинальности в науке, вызывающий интерес. Напротив, в экспертном поле радикальное новое утверждение – признак нереалистичности концепции, а стало быть, маловероятного развития событий. Для экспертов, сталкивающихся с “теоретиками”, исчезает повод для обсуждения: то, что является “фантастикой”, уже несет в себе собственный приговор.

Необходимое свойство поля экономических знаний – оно всегда воспроизводит мейнстрим и отрицает крайности, будь то “марксистские” или “неолиберальные”. Возможны ли в этом поле “научные революции” – проблема, которая будет обсуждаться ниже. Для того, чтобы перейти к ней, сначала необходимо рассмотреть основных акторов данного поля и их референтные группы.

Структура российской экономической науки: функциональный срез

Среди экономистов-ученых можно выделить три различные группы. Первая – вузовские преподаватели. Непосредственные научные задачи перед ними не стоят, главное для них – выполнение учебного плана и передача знаний студентам. Последнее можно годами делать в рамках одних и тех же программ и учебников, не утруждаясь поисками “научной новизны”. Но наличие публикаций – неременное условие подтверждения соответствия занимаемой должности доцента или профессора, заодно это неявно увязывается со статусом вузовского ученого (чем больше публикаций, тем “ученее”). Следует подчеркнуть, что сегодняшняя стандартная учебная нагрузка (порядка 900 часов в год) особо не оставляет времени для научных занятий, а научная работа, отражающаяся в публикациях, никак не оплачивается университетами. Шансы получить грант на экономические исследования для провинциальных (да и для большинства столичных) преподавателей ничтожно малы. Обычно после защиты кандидатских или докторских диссертаций публикационная активность этой группы ученых резко снижается.

Вторая группа, намного меньшая по численности – исследователи, занятые в системе Российской академии наук и немногочисленных отраслевых НИИ. Для этих ученых научный поиск тут – формально основная оплачиваемая работа. Публикация ее результатов – завершающая стадия научного процесса. При этом российский бизнес, как и российская власть, выступают здесь не столько заказчиками, сколько объектами исследования. Экспертиза тех или иных экономических решений, принимаемых властью и бизнесом, – часть повседневной научной деятельности академических ученых. Тем не менее в собственно экспертном сообществе (а соответственно, и в поле экономических знаний) многие из них не попадают. Это связано с отсутствием прямых контактов научных учреждений с властью и бизнесом. Большая часть идей и концепций обсуждается в рамках академических семинаров и конференций и никогда не доходит до широкой общественности.

Следует дополнительно оговориться, что российские власть, бизнес, наука, образование – достаточно замкнутые социальные сферы, слабо пересекающиеся друг с другом. Никакого “социального заказа” для вузов на подготовку тех или иных специалистов или для НИИ на проведение определенных исследований в России не существует. Если крупному бизнесу требуется что-то подобное, то, как правило, создаются собственные корпоративные университеты или исследовательские группы. И бизнес, и власть информационно закрыты: основная часть документов считается “конфиденциальной”, “для служебного пользования”, содержащей “коммерческую тайну”. Неразглашение этих сведений – обязательный пункт трудового контракта, а заодно и отечественной организационной культуры. Подобная специфика легко объясняется, если допустить вслед за Ч. Тилли, что основой и экономической, и политической власти в России являются патрон-клиентские сети [Тилли, 2007].

Связь между наукой, образованием и бизнесом провозглашается существующей социальной реальностью только в официальной публичной риторике. Последняя, в свою очередь, оказывается продуктом экспертного поля и служит для защиты сложившегося положения: если у некоего НИИ или вуза нет заказов от бизнеса или органов исполнительной власти, значит, там работают плохие, некомпетентные ученые, недостойные этого высокого звания. Стоит отметить, что данный риторический фильтр, по сути, закрывает дискуссию: подвергать сомнению такую социальную реальность, не заняв позицию “некомпетентного ученого”, оказывается невозможным, а сама эта позиция, в свою очередь, не дает субъекту права на оспаривание.

Наконец, третья группа ученых – самая малочисленная, высокодоходная и влиятельная. Это по большей части новая, молодая генерация экономистов, работающих в “независимых” аналитических центрах и новых, относительно недавно созданных или реорганизованных вузах. В последнем случае преподавание ведется по нестандартным учебным планам, а так называемая “звонковая”, аудиторная нагрузка на профессоров и доцентов в разы меньше, чем в обычных, “старых” вузах. Основная часть этих исследователей – члены экспертного сообщества. Их работы публикуются не столько в малотиражных научных журналах, сколько в общенациональных СМИ, “глянцевых” деловых журналах. Паблисити – необходимое качество эксперта. Как указывает Кошовец, «в конечном счете, в рамках медийных коммуникаций эксперт – “авторитетное мнение” – несет, прежде всего, информацию о себе, и лишь в незначительной степени о том, о чем говорит (курсив мой. – П.О.)». Поэтому в предельном случае экспертное знание в форме мнения может превращаться в форму самопрезентации, начиная выполнять рекламно-маркетинговые функции» [Кошовец, 2008, с. 245–246].

Вообще говоря, последняя группа включает в себя не только ученых, но и журналистов, общественных деятелей, бизнесменов. Однако если под занятиями наукой понимать сохранение, передачу и производство новых знаний, то эти акторы, будучи экспертами, не являются учеными. Об их роли речь пойдет ниже.

Отношения между этими тремя группами ученых непростые. Между первой и второй группой существует взаимовыгодный симбиоз: ученые подрабатывают в вузах, преподаватели публикуются в академических журналах и защищают диссертации в НИИ. Между второй и третьей группой действуют конкурентные отношения, при этом на стороне третьей группы есть целый ряд преимуществ, позволяющих ей, как правило, побеждать в этой конкуренции. Третья группа, очевидно, доминирует среди ученых в экспертном поле. Вместе с тем остроту конкуренции между второй и третьей группой не следует преувеличивать: существенная часть ученых работают одновременно в НИИ и аналитических центрах.

Отношения же обычных вузовских ученых-преподавателей и ученых из третьей группы, по-видимому, можно сравнить с отношениями собаки и живодера. Учитывая идущую с начала 1990-х гг. реформу (точнее, трансформацию) системы образования, первая группа является объектом экспериментирования для части исследователей третьей группы. Часть экспериментов, связанная с одновременными требованиями по увеличению интенсивности научной работы, созданию нового учебно-методического

обеспечения (учебно-методических комплексов) и роста учебной нагрузки при той же оплате труда, выглядит со стороны довольно жестокой. Тем не менее количество желающих работать преподавателями в сфере экономики и менеджмента не снижается, а растет.

Вузовские ученые обладают весьма важным ресурсом: именно в университетах находится подавляющее большинство ученых советов, присуждающих ученую степень. Поскольку последнюю получают также бизнесмены, чиновники и депутаты, определенный канал взаимодействия, предоставляющий вузам легитимацию в поле экономических знаний, сохраняется. Еще более любопытно, что ученым из третьей группы для институционализации собственных претензий на высокую социальную позицию также необходима ученая степень, и получают они ее, как правило, не в новых, а в традиционных вузах. Поэтому между этими тремя группами сохраняется хрупкое ситуационное равновесие, которое приводит к постепенному размыванию и сокращению “академических” экономистов. В будущем, по мере реформирования РАН и реорганизации НИИ переход второй группы в первую и третью представляется вполне реальной перспективой.

Экономические “школы”. Референтные группы российских экономистов

Понятие научной школы в России обычно связано с именами ученых, которые не только придерживались общих теоретических воззрений, но и были связаны личной дружбой, отношениями покровительства и ученичества, преемственности. Зачастую эти отношения были еще и сравнительно четко локализованы – привязывались к какому-либо университету, НИИ, городу. В данной работе понятие “школы” будет использоваться и в более широком смысле, объединяя ученых, которые придерживаются общих взглядов и ориентируются на одни и те же референтные группы; такие “школы” мы будем обозначать как “направления”⁶.

Необходимо отметить, что специфической особенностью развития общественных наук в России, которая связана с историческим наследием марксизма как в период до 1917 г., так и в советское время, является кружковщина. Это полностью относится и к экономической теории: экономическая школа как социальный феномен во многом имеет характеристики кружка: для нее характерно разделение на “своих” и “чужих”. При этом чужие наделяются отдельными свойствами врага, в рамках “школы” используются разного рода ритуалы и “кодовые имена” для опознавания “своих” и т.д. В силу этого школы обладали определенными *политическими* признаками, во многом оценка коллегами истинности и важности предложенной тем или иным ученым концепции зависела от того, к какой именно школе он принадлежал. Открытая характеристика и критика оппонентами взглядов экономистов той или иной школы в этой логике воспринималась как *донос*. Если придерживаться марксистских представлений о классовом характере политэкономии, то научные ошибки могут действительно рассматриваться в качестве синонима политических ошибок, что требует от властей соответствующей реакции. Поэтому для ученых, отделявших науку от политики и отстаивавших право на определенную автономию поля науки, восприятие марксистской критики как призыва к политическому вмешательству было в тех условиях вполне естественным.

За последние два десятилетия острота политического размежевания между школами существенно снизилась ввиду изменения позиции власти. Однако прежняя традиция не исчезла совсем. Я не буду описывать отдельные школы и входящих в них влиятельных экономистов, для целей настоящей статьи достаточно указания границ между отдельными направлениями. Остановимся на краткой характеристике основ-

⁶ Следует отметить и еще одно, нынешнее административное понимание “научной школы” в России. Она может быть образована в рамках университета приказом ректора, этим же приказом назначается и научный руководитель школы.

ных референтных групп, на мнение которых, кроме мнения своих коллег, во многом ориентируются экономисты.

Во-первых, это *мировая наука*. Для российских экономистов, принадлежащих как к неоклассическому, так и к кейнсианскому мейнстриму, нормой стала ориентация на оценки зарубежных коллег, которые оказываются, при прочих равных условиях, более важными, нежели мнение российских ученых. Микро- и макроэкономика – стандартные курсы экономической теории, которые изучаются по примерно одинаковым программам во всех университетах мира. Они дополняются разделами теории общественного выбора, а заодно и общепризнанными, вошедшими в мейнстрим, разделами институционализма: теориями прав собственности, трансакционных издержек, контрактов. Общность стандартов предполагает и наличие общемировой экономической науки, а заодно и “мировой цивилизации”. Это предполагает и некую общую иерархию научных школ, вплоть до выстраивания рейтингов отдельных экономистов. В свою очередь, преимущественная ориентация на зарубежное признание дополняется и ориентацией на участие в международных исследовательских коллективах, получение зарубежного финансирования, грантов, и т.д. Данная референтная группа также важна для части институциональных экономистов и относительно менее важна для наследников марксистской традиции, структуралистов, исследующих смену технологических укладов, других экономистов неортодоксальных направлений.

Во-вторых, это *власть и оппозиция*. Данная референтная группа крайне неоднородна и включает в себя политиков, придерживающихся самых разных взглядов. Естественно, каждый экономист считает, что органы власти должны реализовывать предпочитаемую им концепцию экономической политики. Однако для “мейнстримных экономистов” отношения с властью представляются сравнительно менее важными, чем для экономистов других направлений. Напротив, скорее для политиков, стремящихся к тому, чтобы Россия была “среди цивилизованных стран”, важна поддержка этой группы экономистов. Несмотря на то, что периодически критика либеральной экономической политики раздается уже и от представителей российского мейнстрима, указанный союз власти и мейнстримных экономистов продолжает доминировать в экспертном поле. В свою очередь, среди отдельных политиков и оппозиции есть альтернативные “мозговые штабы”, в которых участвуют неортодоксальные экономисты. Для последних такое участие принципиально: это один из немногих каналов, через который они могут легитимизировать свое право на оспаривание.

В-третьих, это *бизнес*. В данном случае речь идет о крупных компаниях и банках, которым предлагаются консалтинговые услуги, аналитические обзоры и даже – до определенной степени – лоббирование. При этом в отношении ученых, выделенных ранее в третью группу, консалтинговые услуги зачастую сливаются с научными занятиями, и признание их авторитета бизнесменами, располагающими крупными финансовыми ресурсами, для них принципиально. Естественно, в этой группе ученых доминируют экономисты неоклассического мейнстрима, хотя среди аналитиков финансовых рынков есть и скептики, использующие альтернативные концепции (работы Х. Мински или, скажем, Р. Шиллера достаточно известны в этой среде).

В-четвертых, это *СМИ: общественно-политические и деловые издания*. Выше уже отмечалось, что в экспертном поле представлены экономисты в основном второй и третьей группы. Однако, как и в случае с взаимодействием с бизнесом, наиболее важно мнение журналистов и других работников СМИ для ученых третьей группы, часть из которых непосредственно совмещают научную и журналистскую деятельность. Именно здесь идет непосредственная борьба за символический капитал, за долю влияния в экспертном поле, которая определяется через количество публикаций и объем присутствия на телеэкранах и в Интернете. Научные экономические издания отличаются намного меньшими (в десятки и более раз) тиражами и степенью распространения, а сборники тезисов и статей, в которых публикуется первая и отчасти вторая группа ученых, сами авторы часто называют “братскими могилами”. Это название

красноречиво характеризует степень интереса к таким научным трудам за пределами узкопрофессиональной группы ученых и преподавателей.

Состав референтных групп и характеристика их взаимоотношений с экономистами-исследователями позволяют сделать следующий, граничащий с банальностью, вывод – в российском поле экономического знания доминирует неоклассическая парадигма (я включаю в эту систему взглядов и кейнсианство, как часть неоклассического синтеза), большая часть экономистов ориентированы на западные стандарты исследования, публикации в зарубежных журналах и международное (опять-таки, западное) признание. Власть, бизнес, а также эксперты, работающие в массовых общественно-политических и деловых изданиях, скорее усиливают, чем ослабляют такую ориентацию. Соответственно, *научным* и интересным считается то, что отвечает указанным стандартам; то, что из них выпадает, может быть признано интересным (любой конфликт, скандал – информационный повод для СМИ), однако, как правило, не может вызывать широкой дискуссии с участием власти и бизнеса. Это не исключает отдельных относительно “замкнутых” обсуждений отдельных тем, но, подобно академическим семинарам, они не имеют продолжения. Западный экономический мейнстрим безальтернативен – экономисты с другими взглядами практически не имеют права на оспаривание, что определяется их взаимоотношениями с рассмотренными выше референтными группами (замечу, что “рабочий класс” или “фермерство” в качестве таковых групп выступать не могут).

Такая ситуация приводит к любопытному парадоксу: западный стандарт исследования является демократическим, демократия предполагает реализацию права на оспаривание, но в России это право может реализовать только одна группа ученых, придерживающихся “правильных” экономических взглядов⁷.

Была ли “научная революция” в российской экономической теории?

Ресурсное обеспечение экспертного поля.

Пределы права на оспаривание в научных дискуссиях

Стоит еще раз оговориться: право на оспаривание означает, что субъекты того или иного социального поля имеют право не только на высказывание (свободу слова), но и на то, чтобы их высказывание было услышано оппонентами и политическими деятелями, после чего должна быть, тем или иным способом, доказана его неверность или, в случае признания правомерности высказывания, произведена корректировка политического курса. Идеальная модель научной дискуссии предполагает, что правом на оспаривание обладает любой ученый, вне зависимости от его социального статуса (социальной позиции в поле науки). Такая модель допускает определенные задержки в реакции научного сообщества на публикацию той или иной концепции, что связано с тиражом и популярностью научного издания и прочими аналогичными внешними факторами. Но так называемый “тамбургский счет” предполагает, что субъекты научной дискуссии равны, а значение имеет только новизна и важность выдвигаемых идей. Последняя, в свою очередь, определяется количеством тех общепризнанных положений теории, которые затрагивает (уточняет, заставляет пересмотреть, опровергает) выдвинутая концепция.

Вероятно, реальные дискуссии, ведущиеся в точных науках, в основных чертах соответствуют такой идеальной модели. Однако в экономике такая идеальная модель “не работает”, что следует из самой постановки проблемы. На мой взгляд, часть важных и актуальных тем не дискутируются, как среди собственно экономистов, так и в

⁷ Ср.: “Граждане должны иметь возможность: 1) формулировать свои предпочтения; 2) выражать свои предпочтения согражданам и правительству посредством индивидуальных и коллективных действий; 3) иметь равное отношение к своим предпочтениям со стороны правительства, т.е. отношение, исключающее дискриминацию на почве содержания или источника этих предпочтений. Таковы, как мне представляется, три необходимых, хотя, возможно, и недостаточных, условия существования демократии” [Даль, 2010, с. 7].

российском обществе в целом. В отношении поля экономического знания более правдоподобной выглядит иерархическая модель, где право на оспаривание принадлежит только немногим субъектам, занимающим высокие статусные позиции. Остальные имеют возможность высказываться, однако их участие в дискуссии обусловлено поддержкой того или иного статусного актора.

Как уже говорилось, публичное высказывание ученым немарксистских предпочтений, как и критика экономической политики советского правительства с “буржуазных классовых позиций” в СССР были практически невозможными. На рубеже 90-х гг. прошлого века в сообществе российских экономистов произошла “смена парадигмы” и стали доминировать либеральные взгляды. Н. Шматко характеризует это как научную революцию: «“Сохранение или преобразование распределения научных капиталов” – вот ключевая для понимания особенностей отечественного поля экономики в 1990 году мысль. Борьба в нем шла между доминирующими (хранителями ортодоксии советской экономической науки), которые пытались защитить свою монополию на производство легитимного экономического дискурса, и претендентами на их места – агентами, чьи “еретические” практики были направлены на разрушение устоявшегося порядка. Доминирующие – условно “академики” – разрабатывали теории оптимального народно-хозяйственного планирования и управления научно-техническим прогрессом, теории качественной неоднородности ресурсов и тому подобное, в то время как доминируемые – условно “научная молодежь” – обращались к либеральной неоклассике или австрийской школе.

Достигнутая к концу 1980-х годов весьма условная автономия поля экономической науки была нарушена в 1990 году: политики стали использовать экономическую науку для реализации своих стратегий (политическое использование экономики), а экономисты начали активно участвовать в политической игре для создания новых позиций в поле своей науки. Разворачивавшаяся в поле экономической науки борьба за легитимное доминирование была гомологична политическому противостоянию “Горбачев–Ельцин”. Отечественное поле экономической науки “встроило” в свою динамику внешнее по отношению к нему политическое воздействие. Следствием этого стало скачкообразное качественное изменение поля, в основных чертах оформившееся к началу 1992 года – своего рода *научная революция* (курсив мой. – П.О.), легитимировавшая себя обращением к здравому смыслу и классике экономической науки под флагом борьбы с догматическим марксизмом и идеологией» [Шматко, 2011, с. 194–195].

Нельзя не согласиться с основной мыслью Шматко – “преобразование распределения научных капиталов” было достигнуто, причем скачкообразно, что вполне можно охарактеризовать как революцию. Однако была ли эта революция *научной*? На мой взгляд – нет. Любая научная революция предполагает не простую смену парадигмы, но прирост *нового знания*, новая парадигма по Т. Куну должна объяснять научные аномалии, которые не могла объяснить старая “нормальная наука”. Заимствование идей либеральной неоклассики, как и австрийской школы, было весьма полезно с точки зрения повышения общей экономической культуры, но этого мало для научной революции.

Российская “научная молодежь” не предложила обществу никаких новых знаний, никакой новой “русской” модели капитализма, сопоставимой с “рейнской” или “англосаксонской” (см., например, [Альбер, 1998]), зато она получила посты в правительстве, заняла позиции руководителей нескольких престижных вузов, директоров вновь созданных “независимых” аналитических центров, банков и компаний, а заодно приобрела изрядный объем бывшей “общенародной собственности” в личное пользование. Большинство этих “революционеров” так и не вернулись к собственно научным занятиям. Поэтому данный феномен – часть социальных процессов 1990-х гг., разворачивавшихся в символическом пространстве. Аналогичные события происходили среди литераторов, журналистов, композиторов, художников; список можно продолжить. Власть – отношения господства/подчинения по М. Веберу, что в данном случае является синонимом “распределения капиталов” по П. Бурдьё – в отрасли

народного хозяйства под названием “наука” действительно была перераспределена. Но такие же “революции”, учитывая приватизацию предприятий, произошли и в других отраслях – машиностроении, легкой, пищевой промышленности, и т.д. Учитывая последовавший за этим спад производства, никто не говорит о произошедших в этих отраслях “научных революциях” в управлении, где доминирующие сторонники “догматического администрирования” уступили свои позиции молодежи, обратившейся к “эффективному менеджменту”.

Как бы то ни было, прежний авторитет (символический капитал), которым располагали советские экономисты, был действительно утрачен. Место марксистской догматики заняла догматика неоклассического мейнстрима. Последний, как, впрочем, и марксизм, опирается на нереалистические допущения, более того, советская теория “системы оптимального функционирования экономики” (СОФЭ), использовавшая модель межотраслевого баланса и линейное программирование, была одной из версий микроэкономики и включала в себя как предельную полезность, так и равновесие по Вальрасу. Различия между советской “экономической кибернетикой” и нынешними стандартами экономического образования были непринципиальны и сводились к объему математизации учебного материала. В связи с этим поставленная проблема на первый взгляд имеет простое объяснение: произошла “рокировка” догматических марксистов на догматических либералов, и теперь уже последние не допускают очередной неортодоксальной “ереси”, защищая свое право на производство “легитимного дискурса”. Но это не так.

В России изменилась позиция властных структур. Социалистическое государство было идеократическим, это обстоятельство не допускало большой свободы мнений, при публикации научных работ они должны были пройти через цензурный фильтр. Нынешнее российское государство во многом свободно от каких-либо идеологических установок, доминирование тех или иных мнений и ценностей в обществе – результат политической борьбы (в терминах Шматко, прежний административный капитал сменился на государственно-политический). Это позволяет публиковать научные работы, содержащие не только острую критику, но и прямо отрицающие основы экономической политики правительства. Критика стала нормой не только для экономического неортодоксальных направлений, но и для мейнстрима, и прежде всего для либералов.

Кроме того, мейнстрим экономической науки имеет довольно рыхлую структуру, в отличие от жесткого каркаса марксизма. Мейнстрим допускает достаточно большую свободу методологии исследования и оценок. Более того, даже по определению самого “главного течения”, мейнстрим предполагает существование параллельно с ним неортодоксальных направлений. Поэтому вышеприведенное простое объяснение неверно. Экспертное поле экономических знаний устроено совсем иначе, нежели прежнее поле экономической науки в СССР. Принципиальной характеристикой, в соответствии с которой различаются эти социальные поля, стал механизм выделения ресурсов референтными группами.

Под ресурсами здесь понимается не только – и не столько – объем финансирования, но и телевизионное время, площади для публикаций в общенациональных СМИ, каналы взаимодействия с политической властью и крупным бизнесом. В советское время объем потребностей в этих ресурсах во многом определялся самими учеными, а распределение зависело от их статусных позиций. Руководители научных институтов были частью партийной власти и хозяйственного руководства; как справедливо указывает Шматко, поле экономической науки не было автономным. Вне зависимости от результатов исследований субъекты этого поля не могли лишиться ресурсов, хотя, конечно, по отношению к отдельным ученым могли применяться (и применялись) различные меры “наказания и исправления”. Напротив, в случае экспертного поля ресурсы предоставляют те или иные референтные группы, и если результат, который озвучивают ученые, не устраивает “заказчиков”, экономисты просто лишаются и финансирования, и возможности высказывать свое мнение в общенациональных СМИ.

Другими словами, советские экономисты были *частью власти* – и их дискуссии по ключевым вопросам развития общества неизбежно оказывались в центре внимания. Целью кружков и школ зачастую было как раз ограничение доступа широкой публики к научным дискуссиям; вовне, в подцензурные научные журналы и СМИ выносились

уже политкорректные результаты. Напротив, нынешние российские экономисты вынуждены привлекать к своим позициям возможно более широкое общественное внимание – в противном случае предлагаемые концепции и рекомендации по изменению экономической политики и институциональным реформам останутся исключительно академическим упражнением. Темы, которые по каким-то причинам неинтересны референтным группам, вытесняются на периферию поля экономических знаний, лишаются какой-либо ресурсной поддержки и обречены на постепенное забвение.

Исключение, пожалуй, представляют только работы, направленные на международное признание. Если российский экономист получает одобрение этой референтной группы, он получает в распоряжение достаточные ресурсы для продолжения исследований, а темы могут возвращаться в российскую общественную дискуссию из-за рубежа (иногда даже навязываться). Учитывая то обстоятельство, что среди российских власти, бизнеса и СМИ также есть существенная доля тех акторов, которые ориентируются на ценности “мировой цивилизации”, такие темы легко становятся резонансными.

Необходимость борьбы за ресурсы относится не только к экономистам неортодоксальных направлений, но и к мейнстриму, и к либералам. В рамках отдельных экономических школ могут вестись весьма острые дискуссии вокруг важных и актуальных тем. Однако если они не вызывают интереса референтных групп, дело ограничивается одной – двумя публикациями в малотиражных научных журналах. В этом отношении экспертное поле нейтрально по отношению к тому, к какой научной школе принадлежит тот или иной экономист.

Кошовец в уже не раз цитировавшейся выше работе указывает на возрастающую роль государственной власти, которая отдает определенные функции “на аутсорсинг” экспертам. Здесь довольно жестко проводится граница между “государственной властью” как субъектом, функционирующим за счет бюджетных доходов, и “бизнесом”, получающим средства за выполнение заказов. Если продолжить мысль о возрастающей роли власти, то можно отметить, что государственная власть имеет иерархическую структуру. Это, в свою очередь, приводит к рассмотренному искажению поля экономического знания: право на оспаривание получают те акторы, деятельность которых получает одобрение у наиболее высокопоставленных субъектов властной иерархии.

Несмотря на то, что мои выводы в отношении наличия иерархии поля экономического знания здесь совпадают с выводами Кошовец, механизм формирования этой иерархии, по моему мнению, несколько иной и не связан непосредственно с “ролью государственной власти”. Если рассматривать государство как определенное состояние народа, которое характеризуется той или иной совокупностью институтов, то представление об усилении власти становится весьма спорным. При таком подходе и “бизнес”, и “власть” – части общего, “государства”. Означает ли это, что “возрастающая роль государственной власти” сопровождается “снижающейся ролью бизнеса”? Нет, не означает. Меняются институты, способы взаимодействия двух этих больших социальных полей. Но поля эти – разные, сила их может возрастать (убывать) одновременно за счет ослабления (усиления) третьего большого поля, символического пространства, частью которого является и поле экономического знания.

Такое теоретическое представление о “трех больших полях” позволяет рассматривать процессы “приватизации государства” и “огосударствления бизнеса”. Оба этих процесса происходят преимущественно в сфере символического: меняются механизмы принятия решений. Как указывает П. Кругман: «Говоря вкратце, в конце 1960-х и в начале 1970-х годов интеллектуалы из среды новых консерваторов убедили отдельных богачей и глав некоторых корпораций закачать деньги в научную инфраструктуру консерватизма. Она в существенной степени состоит из мозговых центров, которые формально похожи на обычные академические институты, но публикуют только те исследования, которые работают на заранее определенную точку зрения. Американский институт предпринимательства был учрежден еще в 1943 году, но сильно разросся в 1971-м, когда начал получать крупные денежные гранты от корпораций, а также семейных фондов консервативного толка. Фонд “Наследие” был создан в 1973 году на

деньги Джозефа Курса и Ричарда Меллона Скейфа. Институт Катона, проповедующий либертарианскую доктрину, сильно зависел от средств семьи Кох.

В эту инфраструктуру входят и средства массовой информации. Те же институты, что спонсировали мозговые центры консерваторов, оказывали существенную поддержку и журналу “Паблик интерес”, а также таким периодическим изданиям, как “Америкэн спектейтор”, рьяно обсасывающим всякого рода скандальные истории вокруг администрации президента Клинтона» [Кругман, 2009, с. 125].

Если опираться на данное высказывание, то можно выдвинуть вполне правдоподобную гипотезу, что в поле экономического знания США доминируют экономисты неолиберального направления, а государственная власть, реализующая соответствующие рекомендации, во многом “приватизирована бизнесом”. Проверка этой гипотезы в отношении США выходит далеко за рамки данной работы. Однако характеристика Кругмана вполне применима и к России⁸. Здесь имеются такие же мозговые центры, спонсируемые корпорациями (а заодно получающими часть финансирования из-за рубежа), такие же средства массовой информации, принадлежащие крупному бизнесу. Это объясняет медийный успех части акторов экспертного поля, которая представляет в России “либеральную оппозицию”, обладающую большим символическим капиталом, при этом политически не связанную с государственной властью. Последнее представляется принципиальным – именно в силу того, что акторы экспертного поля сотрудничают с разными субъектами бизнеса и политики, это легитимизирует их претензии на независимость.

Небезынтересно отметить, что при формальной оппозиционности “либералов” именно из этой среды рекрутируются эксперты для разработки концепций разного рода реформ. Это позволяет социологам говорить об имеющемся противостоянии “силовиков” и “либералов” в правительстве. Такое противостояние неизбежно, учитывая различие в принципах организации символического пространства – позиции “либералов” выстраиваются вокруг “мировой науки” и “западной цивилизации”, позиции “силовиков” – вокруг “национальных интересов”. Этот конфликт отсутствует в США, где “мировое” и “цивилизационное” отождествляется с “американским”.

В связи с этим “повестка дня” или то, что важно и актуально для экономической науки, формируется в России преимущественно крупным бизнесом, и отчасти – властью, *практиками*. Для того чтобы какая-то специфическая экономическая тема оказалась в центре общественной дискуссии, ученые как профессиональная группа должны иметь возможность навязать эту дискуссию власти и бизнесу – своим референтным группам. Для этого среди ученых должна наблюдаться сравнительно высокая степень профессиональной солидарности, причем вне зависимости от содержания их научных взглядов. Однако, учитывая противоречия между социальными позициями трех рассмотренных выше групп экономистов, крайне сомнительно, чтобы предпринимаемое время от времени попытки объединения привели к успеху.

Повторюсь – чтобы некая концепция получила общественный резонанс, она сначала должна быть признана существенной частью коллег как актуальная и важная. После этого она может быть “введена в оборот” общенациональных СМИ. Однако экономисты, которые уже являются экспертами и участвуют в “публичном воспроизводстве власти”, в этом случае рискуют обесценить свой символический капитал: история “научной революции” начала 1990-х гг. наглядно продемонстрировала, как это бывает. Поэтому новой схоластике – и неолиберализму, и неоклассическому мейн-стриму – в России всерьез ничего не угрожает. Для очередной “научной революции”, перераспределяющей власть и влияние в поле экономического знания, нужно, чтобы сначала произошли открытия и смена экономической парадигмы на Западе. Тогда изменившееся состояние “мировой науки” опять сделает целесообразной практику “ереси”, о которой писала Шматко, и “научная молодежь” сделает очередные “голово-

⁸ Следует отметить, что о такой фактической “приватизации государства бизнесом” как об общемировой тенденции пишет и известный английский политолог К. Крауч (см. [Крауч, 2012]).

кружительные карьеры”. И, как и в 1990-х, “общественное жюри”, которое определит список “самых умных российских экономистов”, не будет иметь никакого отношения к науке, но будет включать в себя журналистов и “прогрессивных политиков”.

* * *

Как уже говорилось, главное при определении важности и актуальности проблем, разрабатываемых экономистами, – не содержание и степень проработки выдвигаемых концепций, но внешние по отношению к экономической науке факторы. Ключевой такой фактор – структура поля экономических знаний. В России на этом поле основные статусные позиции занимают эксперты, часть из которых не имеет отношения к экономическим исследованиям. Кроме того, ученые, занимающие важные позиции в экспертном поле, в большинстве своем ориентированы на признание зарубежных коллег и российского крупного бизнеса. Поскольку экспертное поле организовано иерархически, сложившееся положение закрывает возможности обсуждения большинства радикальных социальных изменений вне зависимости от того, является ли инициатор обсуждения сторонником мейнстрима, марксистом или придерживается иных экономических взглядов. Ученые могут высказываться, но за большинством из них не признается права на оспаривание. Коротко рассмотрим, как указанные характеристики экспертного поля сказываются на возможностях обсуждения тем, описанных в первом разделе данной работы.

Структура налоговой системы. Тема переноса основного налогового бремени с фирм на домохозяйства, заимствования западного опыта налогообложения – вполне либеральна, соответствует положениям мейнстрима. Однако в экспертном поле такое обсуждение блокируется по ряду очевидных причин. Это и невозможность повышения налогов с населения для ряда политических сил, нуждающихся в популистской поддержке, и имеющиеся профициты федерального бюджета, и слабая заинтересованность крупного бизнеса в изменении структуры налоговой системы. Единственное, что допускается к обсуждению, – введение прогрессивной шкалы налогообложения.

Перенос столицы и объединение субъектов Федерации. Эта тема может быть актуальна для обсуждения среди экономистов самых разных направлений. Однако, если не брать в расчет отдельных политиков, полагающих целесообразным укрепление федерализма и “территориальной демократии”, перенос столицы неприемлем и для крупного бизнеса, и для многих столичных общественных деятелей, и (что особенно важно) для журналистов общенациональных СМИ, читатели, зрители и слушатели которых в первую очередь столичные жители. Большинство референтных групп против обсуждения этой темы: ведь факт обсуждения оставляет шанс на реализацию соответствующих политических решений.

“Шоковая терапия” и структурные факторы роста. Дискуссия вокруг реформ, как уже говорилось, ведется, и, по-видимому, в ближайшие десятилетия ее участники не придут к какому-либо компромиссу. Для экономистов мейнстрима невозможно отказаться от общей позитивной оценки реформ 1990-х гг., так как это противоречит “мировой науке”. Для наследников марксистской традиции, придерживающихся негативных оценок и получающих поддержку от отдельных групп российских политиков, невозможно признать экономический крах СССР.

Данный пример интересен тем, что участники дискуссии придерживаются одних и тех же теоретических допущений, исторически относящихся к классической школе, Д. Рикардо и К. Марксу. Ориентация на различные референтные группы не дает им возможности прийти к соглашению (в конце концов, марксистская традиция позволяет сказать, что отношения собственности на средства производства в СССР стали тормозить рост производительных сил, и трансформация этих отношений в 1990-е г. исправила это положение). Заодно поддержка разных референтных групп приводит к “замораживанию” позиций – все остаются на своих точках зрения. В свете этого любопытно наблюдать российские оценки экономических успехов Китая, которые сводятся также к двум позициям: 1) рост замедлится и Китай “рухнет”; 2) рост, может, и замедлится, но будет продолжаться на более гармоничной и технологичной основе... Эко-

номисты, допускающие существование неоднородности товаров, труда и технологий, не получают в России поддержки от референтных групп. Соответственно, попытки альтернативных объяснений остаются (и останутся) на периферии поля экономического знания. Ситуация может измениться, только если структуралистские концепции (включая концепцию Э. Райнерта) не станут новым мейнстримом “мировой науки”.

Рынок труда. Исследователи патрон-клиентских сетей и соответствующей специфики трудовых контрактов не имеют референтных групп в России. Ни власть, ни бизнес не склонны развивать эту тему. Вместе с тем она вполне привлекательна для журналистов, которые часто (и неправомерно) отождествляют патрон-клиентские сети и “мафию”. Данный случай интересен тем, что возникают два слоя общественной дискуссии: в одной, публицистической, постоянно присутствуют межличностные “связи”, сети (в СССР – “блат”), в другой, научной, поддерживаемой властью и бизнесом, – безличный “рынок труда”. В результате феномен патрон-клиентских сетей представляется исключительно социологическим, сопоставимым с влиянием отдельных культурных и этнических факторов на рынок труда, также вытесняясь на периферию экономического знания.

В свою очередь, в дополнение к рассмотренным случаям экономических проблем, вытесняемых из общественной дискуссии, можно коротко остановиться на темах, которые интересуют референтные группы. Под эти темы выделяются соответствующие ресурсы, по ним акрами экспертного поля высказываются различные оценки. Эти темы “асимметричны” рассмотренным выше (за очевидным исключением третьей темы). Другими словами, приведу легитимный дискурс российского экспертного поля:

Объем налогового бремени, размер отдельных ставок налогов и отчислений. И для бизнеса, и для власти принципиальны и общий объем уплачиваемых налогов, и ставка НДС, и экспортно-импортные пошлины, и ставка отчислений в Пенсионный фонд, и многое другое. Данная тема предоставляет огромные возможности для дискуссий, политического лоббирования, построения разнообразных моделей, отражающих поведение экономических акторов после изменения стимулов и санкций, и т.д.

Региональный инвестиционный климат, особые экономические зоны, “полоса роста”. Для региональных элит – и власти, и бизнеса – данная тема представляет собой предмет постоянного торга с Центром. В свою очередь, крупный бизнес также заинтересован в получении разнообразного рода площадок с особыми институциональными условиями развития. Здесь также все интересно – и местные особенности, и рейтингование делового и политического климата, и вопросы межбюджетных отношений.

Транзитивная экономика. Неопределенность оценок реформ 1990-х гг. порождает и неопределенность оценок текущего социально-экономического устройства России. В связи с этим дискуссии ведутся в отношении желательных институциональных рамок практически всех отраслей и сфер народного хозяйства – от образования, здравоохранения и науки до охраны правопорядка и обороны, от сельского хозяйства, торговли, транспорта до машиностроения, энергетики и ЖКХ. Изменение “правил игры” – предмет бесконечного торга, лоббирования, требующий соответствующих экспертных оценок.

Коррупция. Данная тема – особенно в стране с доминированием патрон-клиентских сетей – будет вечно актуальной. Агентская модель коррупции, предполагающая “излишки” государства и запутанность бюрократического регулирования, предоставляет широкое поле как для реформы государственного управления, так и для “совершенствования” работы правоохранительных органов. Модель коррупции как “статусной ренты”, предполагающая недооценку труда и ответственности чиновников, также позволяет бесконечно совершенствовать регламенты взаимодействия, систему оплаты, стимулирование. Обе модели используют язык описания, характерный для неоклассического мейнстрима, что делает борьбу с коррупцией и соответствующие коррупционные рейтинги частью “мировой науки”. Все это отвечает интересам всех референтных групп и будет постоянно находиться в центре общественной дискуссии.

По моему мнению, те позиции, которые высказываются экспертами в рамках легитимного дискурса, служат сохранению основных характеристик социально-экономической системы России. Другими словами, даже при реализации прямо противополо-

ложных рекомендаций, разработанных в рамках обсуждения последних четырех тем, ситуация будет меняться незначительно, основные позиции политико-экономических акторов останутся стабильными. Напротив, то или иное решение в рамках обсуждения первых четырех тем будет вызывать качественные изменения социально-экономической системы и порождать политическую нестабильность (решение ничего не менять также означает принципиальное отличие сохраняемой системы от того, чем она могла бы потенциально стать).

В связи с этим небезынтересен вопрос об “инстинкте самосохранения” российского политико-экономического истеблишмента, оценивающего те или иные риски. Во всяком случае, растиражированное клише о российском менталитете как авантюрном, предпочитающим экстрим, представляется явно упрощенным. Однако анализ связи психологической готовности отдельных представителей политико-экономической элиты к обсуждению и реализации теоретических концепций, находящихся за пределами легитимного дискурса, выходит далеко за рамки данной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абель Э., Бернанке Б.* Макроэкономика. СПб., 2008.
- Альбер М.* Капитализм против капитализма. СПб., 1998.
- Аузан А.А.* Общественный договор: взгляд из 2009 г. (<http://polit.ru/article/2009/05/25/auzan/>).
- Батчиков С., Глазьев С., Кара-Мурза С.* Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001. М., 2002.
- Бессонова О.* Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997.
- Бессонова О.* Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999.
- Бессонова О.* Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М., 2006.
- Бурдые П.* Поле интеллектуальной деятельности как особый мир // *Бурдые П.* Начала. М., 1994.
- Гурвич Е.Т.* Долгосрочные перспективы российской экономики // *Экономическая политика.* 2013. № 3.
- Гурвич Е.Т., Кудрин А.Л.* Старение населения и угроза бюджетного кризиса // *Вопросы экономики.* 2012. № 3.
- Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010.
- Илларионов А.* Слово и дело // *Континент.* 2007. № 134; 2008. № 136.
- Кордонский С.* Поместная федерация. М., 2010.
- Кордонский С.* Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М., 2000.
- Кордонский С.* Словесная структура постсоветской России. М., 2008.
- Кошовец О.* Эксперт и воспроизводство научного знания // *Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях.* М., 2008.
- Крауч К.* Странная не-смерть неолиберализма. М., 2012.
- Кругман П.* Кредо либерала. М., 2009.
- Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
- Райнерт Э.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М., 2011.
- Тилли Ч.* Демократия. М., 2007.
- Федеральный бюджет 2014–2016 гг. – бюджет торможения экономического развития (сокращенный вариант независимой экспертизы, осуществленной Центром финансовых исследований Института экономики РАН). Экспертиза выполнялась группой независимых экспертов под руководством Центра финансовых исследований ИЭ РАН проф. В.К. Сенчагова для Комитета по бюджету и налогам Государственной думы РФ // *Вестник Института экономики РАН.* 2014. № 1.
- Шматко Н.А.* “Научная революция” в экономике // *Символическая власть: социальные науки и политика.* М., 2011.